

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55
DOI 10.26170/pl19-06-01

ГСНТИ 16.21.07; 16.21.33

Код ВАК 10.02.19

С. Л. Кушнерук

Южно-Уральский гос. гуманитарно-педагогический ун-т.; Челябинский гос. ун-т, Челябинск, Россия

ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике.

Цель исследования — углубить представления о возможностях лингвистического анализа языка информационно-психологической войны и выделить перспективные направления развития лингвистики информационно-психологической войны. Задачи исследования: осмысление имеющихся научных достижений, обнародованных после того, как лингвистика информационно-психологической войны получила систематическое обоснование; установление общности взглядов российских филологов на явление информационно-психологической войны; определение проблем, требующих научного решения в поле лингвистики информационно-психологической войны. Материалом для анализа служат монографии и статьи отечественных специалистов, извлеченные из национальной электронной библиотеки «ELIBRARY». Применяются методики аналитико-описательного метода, включающие наблюдение, обобщение, интерпретацию.

Доказывается, что лингвистика информационно-психологической войны выделяется из политической лингвистики в ответ на вызовы времени, представляющие опасность нанесения ущерба национальным интересам России в информационной сфере. Устанавливается, что текущее состояние лингвистики информационно-психологической войны характеризуется методологической неоднородностью и терминологической вариативностью. Обнаруживается, что на фоне разных подходов к изучению языка информационного противоборства кристаллизуются две существующие линии в исследовании информационно-психологической войны — коммуникативно-прагматическая и когнитивно-дискурсивная. Систематизируются характеристики информационно-психологической войны как явления, объективируемого в российских и иноязычных СМИ разной направленности. Обозначаются перспективы исследования информационно-психологической войны в кругу смежных феноменов. Полученные результаты представляют интерес с точки зрения разработки общей теории языка информационного противоборства и лингвистических основ противодействия угрозам в медиасфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: информационно-психологическая война; лингвистический анализ; политическая лингвистика; медиалингвистика; русский язык; медиадискурс; медиатексты; СМИ; средства массовой информации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кушнерук Светлана Леонидовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет; профессор кафедры теории и практики английского языка, Челябинский государственный университет; 454080, Россия, г. Челябинск, пр-т Ленина, 69; e-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кушнерук, С. Л. Траектории исследования информационно-психологической войны в российской лингвистике / С. Л. Кушнерук // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 12-22. — DOI 10.26170/pl19-06-01.

Введение: постановка проблемы

В связи с вхождением цивилизации в информационную стадию развития и стремительным внедрением цифровых технологий в начале XXI в. усиливается потребность выработки лингвистических основ противодействия информационной агрессии в медиасфере. Можно ли считать тему информационно-психологической войны искусственно созданным журналистами хайпом (от англ. *hype* — шумиха), будоражащим сознание обычных людей? Очевидно, что нет. На фоне прогресса сетевых коммуникаций информационная война становится вызовом XXI в. В отличие от физической, она не

представляет выраженной угрозы уничтожения противника. В общей картине медиареальности информационная война часто малозаметна, однако в руках сетевых менеджеров ее воздействующий потенциал был неоднократно реализован деструктивно, о чем свидетельствуют факты о «твиттер-революциях» в Молдове, Иране, Тунисе, Египте, Украине, результатом которых в 2010-х гг. стали беспорядки и смена власти.

Новейшая история демонстрирует, что информационно-психологические войны (далее — ИПВ) в СМИ предшествуют «горячим» конфликтам, подготавливая общественное мнение к силовым действиям. При отсут-

вии мер защиты реальны далеко идущие негативные последствия. **Актуальность** работы определяется приоритетной государственной задачей, поставленной Президентом [Доктрина 2016], — необходимостью создания научной основы для обеспечения информационной безопасности Российской Федерации и нейтрализации информационно-психологического воздействия, направленного на размывание российских духовно-нравственных ценностей, со стороны зарубежных медиа. На этом фоне комплексное лингвистическое изучение языка информационно-психологического противоборства необходимо и своевременно.

Цель статьи — определить основные траектории развития исследований, посвященных ИПВ, в российском языкознании, начиная с 2017 г., когда **лингвистика ИПВ** впервые получила системное обоснование как самостоятельное научное направление [Лингвистика... 2017]. Обзорно-аналитический характер статьи обуславливает выбор материала исследования — работы отечественных специалистов за два года существования «молодого» направления лингвистики ИПВ (2017—2018 гг.). Выборка включает 221 публикацию, извлеченную из электронной библиотеки «Elibrary» по тематическим рубрикам «Языкознание» и «Массовая коммуникация». Применяемый в работе аналитико-описательный метод конкретизируется методиками наблюдения, интерпретации и обобщения.

ИПВ определяется как «противоборство сторон, которое возникает из-за конфликта интересов и/или идеологий и осуществляется путем намеренного, прежде всего языкового, воздействия на сознание противника (народа, коллектива или отдельной личности) для его когнитивного подавления и/или подчинения, а также посредством защиты от такого воздействия» [Лингвистика... 2017: 13]. Докажем, что в исследованиях ИПВ в отечественной науке отчетливо выделяются две траектории — коммуникативно-прагматическая и когнитивно-коммуникативная (когнитивно-дискурсивная).

Коммуникативно-прагматическое направление исследований информационно-психологической войны

ИПВ исследуется в единстве коммуникативных, прагматических и функциональных факторов. Последний из названных мы воспринимаем в трактовке Е. С. Кубряковой: «...язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намере-

ний» в познании действительности и социальной интеракции [Язык и наука конца XX века 1995: 217].

Коммуникативный уклон во взаимодействии с прагматическим и функциональным дает возможность сосредоточиться на контексте ИПВ, включающем политическую обстановку, время, условия, ситуации, участников, цели, задачи, итоги коммуникации. Специалистов интересуют принципы и способы организации речи в соответствии с определенными целеустановками. Обобщенным предметом исследований выступают коммуникативные (речевые) стратегии и тактики, которые используются в ведении информационно-психологических войн, а также лингвопрагматические характеристики феноменов, функционирующих в условиях ИПВ.

В указанной перспективе одним из объектов научного притяжения является информационная агрессия, которая определяется как «выражение открытой неприязни и враждебности к референту и целенаправленное воздействие на сознание адресата с целью его идеологического подчинения» [Озюменко 2017: 204]. Н. Н. Кошкарлова, Н. Б. Руженцева, Е. Н. Зотова анализируют лингвопрагматические особенности репрезентации «русской агрессии» на страницах американских СМИ [Кошкарлова, Руженцева, Зотова 2018]. В. И. Озюменко описывает стратегии и тактики вербальной и невербальной агрессии в условиях информационной войны в американских и британских медиа. Выявляются особенности реализации стратегий устрашения, идеологической поляризации, введения в заблуждение, а также серии тактик (сокрытие фактов, фабрикация фактов, ложное оперирование понятиями, бездоказательные утверждения, утверждение и повторение, уход от определенности и др.), благодаря которым осуществляется манипуляция в англоязычных СМИ [Озюменко 2017].

При этом терминосочетания *информационная агрессия* и *медийная агрессия* используются синонимично. Представляется, однако, что отождествление агрессии информационной и медийной правомерно только в том случае, если медиа толковать расширительно, включая новые медиа — СМИ в цифровом формате, предполагающие активное участие пользователей в распространении контента, а также социальные сети, ставшие полноправными участниками информационного поля.

Удачной можно признать попытку установить соотношение понятий информационной войны и информационной агрессии как целого и части. Дальнейшие рассуждения о реализации информационной агрессии по-

средством медиа могли бы привести к разделению ИПВ на внешнюю и внутреннюю. В первом случае противоборствующими сторонами оказываются представители разных лингвокультур. Во втором случае возникает оруэлловская трактовка ИПВ, когда собственных граждан убеждают в наличии врага, с которым идет борьба.

В большинстве случаев речевые тактики и приемы рассматриваются как часть **технологии ИПВ**. В фокусе внимания ученых нередко оказывается одна стратегия, которая представлена рядом тактик и приёмов [Агапова, Гущина 2017; Копнина 2017]. Признание того, что манипулятивное воздействие в СМИ проявляется в формах воздействия речевого, делает традиционным описание **приемов речевого воздействия**, благодаря которым актуализируется коммуникативная/речевая стратегия. К приемам речевого воздействия, направленным на реализацию стратегии демонизации, относят апелляцию к авторитету, стереотипам, фоновым знаниям адресата, персонализацию события, использование полуправды, устаревание, предъявление обвинений [Юсупова, Теплых 2017]. Выявлен спектр манипулятивных приемов дискредитации православия, включающий приемы референциальной манипуляции; негативно-оценочные риторические определения и противопоставления православия другим религиям; сочетания слов «православие» и его дериватов со словами, имеющими негативно-оценочные коннотации; постановка слова «православие» в синтаксически однородный ряд с понятиями, обозначающими социально неодобряемые явления [Копнина 2017: 208]. В других работах представлены иные типологии. Многообразие приемов речевого воздействия, описываемое авторами в национальном и инациональном дискурсах СМИ, поистине неозоримо. Думается, однако, что это размывает само понятие, представляет методологическую проблему и нуждается в прояснении.

Лингвопрагматическая специфика реализации ИПВ в СМИ изучается на примере конкретных политических событий. В исследуемый период одним из «нашумевших» стало «дело Скрипалей», спровоцировавшее информационно-политический конфликт между Великобританией и Россией в 2018 г. Ю. Р. Тагильцева систематизирует средства, благодаря которым создается «демонический» образ России как страны-агрессора и реализуются три стратегии — психологического напряжения, дискредитации, диффамации [Тагильцева 2018].

В рамках коммуникативно-прагматического направления исследуются особенно-

сти **речевых жанров** как крупных коммуникативных единиц, имеющих устойчивый тематический, композиционный и стилистический тип построения текста и способных служить целям информационного противоборства [Горбачёва 2017]. В этом отношении большой интерес представляет лингвопрагматический анализ памфлета и панегирика как жанров-антиподов в аспекте противостояния идеологий в российских массмедиа и специфики их лингвистического оформления [Сквородников, Копнина, Анисимова 2018]. Работа методологически усиливается контекстуальным анализом, направленным на установление аксиологической функции используемых языковых единиц, «путем вычленения, демонстрации и комментирования высказываний и фрагментов текста, обусловливающих в совокупности своих контекстуальных связей его аксиологическую тональность» [Там же: 49]. Доказывается, что памфлет и панегирик представляют собой жанры, наилучшим образом предназначенные для идеологического противоборства, поскольку используемые в них выразительные средства носят оппозиционный оценочный характер и группируются в рамках категорий глорификации и негативации.

Жанр рассматривается как «коммуникативное орудие» ИПВ. Во многих работах производится попытка определения его роли в создании коллективного имиджа, в том числе негативного имиджа России в иноязычной медийной коммуникации. Отметим, что работы, в которых изучаются особенности конструирования имиджа страны, народа в условиях ИПВ, становятся многочисленными. Это связано с тем, что в последние годы проводятся международные научные конференции, посвященные вопросам конструирования имиджа в условиях мира и информационной войны, которые привлекают внимание большого числа специалистов [Образ России... 2017; Wizerunek 2019]. Сопутствующими являются статьи и монографии, авторы которых ставят цель выявить специфику актуального образа объекта или события, создаваемого медиаменеджерами, установить особенности имиджа в СМИ сквозь призму языка.

Особое внимание уделяется актуализации ментальных репрезентаций в медийном и политическом дискурсах, а также оценочным средствам и текстопостроительным моделям, формирующим и закрепляющим в сознании реципиентов определенные картины мира [Зарипов 2017; Каблуков 2017; Кокурина, Хорецкая 2018; Коцюбинская 2018; Кушнерук 2018; Лаухина, Туркин 2017; Образ России... 2017; Павлова 2017; Попова, За-

рипов 2017; Проблемы конструирования идентичности... 2017; Россия глазами Европы 2018; Тагильцева 2018; Уразаева, Морозов 2017; Шулежкова 2017].

Помимо коммуникативного аспекта, названные работы учитывают когнитивные факторы, которые влияют на объективацию имиджа в медиакоммуникации. Публикации имеют имагологическую направленность, т. е. в них решаются частные задачи, вытекающие из общей цели **имагологии** как активно развивающегося направления современного языкознания. По мнению основоположников теории Дж. Лиерссена и М. Беллера, она заключается в описании происхождения, процессов становления и функций национальных предрассудков и стереотипов, с тем чтобы вывести их на поверхность, проанализировать и дать о них рациональное представление [Beller, Leerssen 2007: 7].

В имагологическом плане усматривается обязательная связь информационно-психологической войны с конструированием **обобщенного образа врага**: в российских СМИ — Запада как внешнего врага и оппозиции (пятой колонны) как врага внутренне-го; в зарубежных СМИ — России как врага западного мира [Зарипов 2017; Казаченко 2018; Кушнерук 2018; Морозова 2018; Павлова 2017; Попова, Зарипов 2017; Проблемы конструирования идентичности... 2017: 35]. Выявляются семантико-стилистические особенности медиатекстов, устанавливаются семантические доминанты, которые реализуются с помощью различных языковых средств и речевых приемов для создания медиаобраза России. Отечественные специалисты стремятся ответить на вопрос, как создается образ нашей страны в инациональных медиадискурсах — американском, британском, немецком, французском. В аксиологическом аспекте определяется роль языка в формировании образа мира и системы ценностей в общественном сознании.

Вырабатывается единство мнений относительно того, что западные СМИ консолидированы в вопросах противостояния России, и их усилия направлены на демонизацию образа нашей страны и дискредитацию действий президента [Зарипов 2017; Попова, Зарипов 2017; Россия глазами Европы 2018; Уразаева, Морозов 2017]. При этом подчеркивается, что негативное информационное воздействие на читателей преимущественно осуществляется в эмоциональной плоскости посредством образно-метафорических номинаций [Коцюбинская 2018; Попова, Зарипов 2017: 125].

Признание того, что структуры сознания и структуры языка находятся в активном

взаимодействии, а коммуникация в обязательном порядке опосредована ментальными процессами участников, имеющих опыт взаимодействия с внешней средой и основанное на нем мировидение, включенных в широкий культурный, социальный, политический контекст, предопределяет развитие когнитивно-дискурсивного (когнитивно-коммуникативного) направления.

Когнитивно-дискурсивное направление исследований информационно-психологической войны

ИПВ обобщенно трактуется как система способов информационно-психологического воздействия на сознание, используемая для формирования и/или изменения картины мира адресата, необходимой заинтересованным акторам [Гаврилов 2018; Каблуков 2017; Кокурина, Хорецкая 2018; Коцюбинская 2018; Проблемы конструирования идентичности... 2017; Цыцаркина 2018].

Воздействие на когнитивную сферу людей прочно ассоциируется с понятием **манипуляции**, которая воспринимается как форма управления знаниями, мнениями, убеждениями, контролирующими поведение людей. Она представляет собой мультимодальный феномен, включающий коммуникативный, психологический, этический, социальный, когнитивный, семиотический и дискурсивный аспекты. Принципиально, что манипуляторы осуществляют контроль над массами людей против их воли и интересов. Идеологическое подчинение возникает в результате внушения (воздействие на эмоции) и убеждения (воздействие на разум).

Манипуляция в СМИ является дискурсивной социальной практикой, реализуемой посредством текстов, речи и визуальных образов. Говоря о манипуляции в ракурсе речевого воздействия, специалисты имеют в виду использование скрытых возможностей языка для воздействия на сознание, благодаря чему «прививаются» нужные идеи. Это происходит в соответствии с принципом «социального эгоизма», то есть «все формы интеракции и дискурса имеют тенденцию отвечать в первую очередь интересам адресантов» [Дейк 2014: 259]. Манипуляция массовым сознанием признается главным элементом психологических операций и ИПВ.

К приемам манипулятивного воздействия относят дезинформацию, демонизацию, запугивание [Гаврилов 2018]. В большинстве работ подчеркивается, что в случае манипуляции информация подчинена конкретным целям, а политические элиты стремятся навязать коллективам людей определенные взгляды с целью получить одобрение собст-

венных действий [Агапова, Гущина 2017; Лаухина, Туркин 2017; Озюменко 2017; Самикова 2018; Юсупова, Теплых 2017].

С большей или меньшей степенью полноты авторы стремятся описать языковые средства, благодаря которым «диагностируется» манипуляция в медиакоммуникации разных стран. Лингвистический анализ средств ведения информационной войны в англоязычном либеральном дискурсе и механизмы модификации значения языковых единиц в политических целях представлены в работе Н. М. Потаповой. Производится лингвостилистический анализ высказываний на семантическом (прямые значения слов) и метасемиотическом (функционирование слов в речи, коннотации в контексте употребления) уровнях [Потапова 2018].

Комплексный характер носит исследование восприятия журналистских заголовков украинской газеты «Сегодня» за 2018 г. [Артамонова, Ефименко 2019]. В материалах, тематически связанных с Луганской и Донецкой Народными Республиками, выделяются четыре типа языковых средств манипулирования: графические, лексико-семантические, семантико-синтаксические, фразеологические [Артамонова, Ефименко 2019]. В частных вариантах используемых журналистами лексико-семантических и синтаксических средств, а также их трансформированных вариантов анализу подвергаются эмоционально-оценочная лексика [Лаухина, Туркин 2017; Павлова 2017]; военно-политические эвфемизмы [Палажченко 2017]; контаминанты [Голодов 2018]; ксенонимы [Иванова 2017]; цитаты (интертекстуальные вкрапления) [Красовская 2017].

Особенности функционирования лексических единиц, отсылающих к инокультурной семиосфере, в англоязычном массмедийном политическом дискурсе выявляет С. В. Иванова. Применение дискурс-анализа позволяет заключить, что ксенонимы, используемые в рамках дискурсивной практики демонизации, включают: 1) лексические единицы, именующие реалии чужой культуры (*czar*); 2) лексические единицы с обозначением чужого этноса (*Russian*); 3) транслитерированные лексические единицы с обозначением социальных практик, которые считаются отсутствующими в своем социуме (*maskirovka*); 4) предикативные единицы, служащие обозначению прецедентных явлений чужой культуры (*Potemkin village*); 5) словообразовательные модели с использованием ксенонимической морфемы, заимствованной из чужой лингвокультуры (*feminazi*) [Иванова 2017].

Общим местом названных разноплановых по характеру задач исследований явля-

ется вывод о том, что манипулятивная/воздействующая функция СМИ становится доминирующей, вытесняющей другие в условиях информационной войны между Россией и Западом. Манипуляция в СМИ находит выражение в селективном выборе речевых единиц, служащих показателями идеологической ангажированности медиапространства, что приводит к системному искажению фактов, незаметному изменению реальности для индивидуального, группового и массового адресата.

Для снижения уязвимости к воздействию манипуляторов также исследуется феномен **контрманипуляции** [Копнина 2018]. Проблемы защиты от манипуляции рассматриваются в связи с обозначением речевых действий, их системным описанием и типологией. Г. А. Копнина вводит понятие *речевого контрманипулятива* — единицы речи, используемой в функции нейтрализации манипулятивного воздействия. Речевая контрманипуляция в целом определяется как стратегия речевого поведения, которая «направлена на защиту от манипулятивного влияния и основана на использовании речевых тактик и приемов, реализующих задачи уклонения от влияния манипулятора (скрытого маневрирования) или открытого противодействия ему» [Копнина 2018: 8].

В последние два года в российской лингвистике продуктивно развивается идея о том, что манипуляция содержит ментальный компонент и реализуется с помощью **механизмов дискурса**. Она принимается за основу в публикациях, использующих методологию критического дискурс-анализа (вербально-семиотические характеристики текстов рассматриваются в тесном взаимодействии с контекстуальными факторами) и концептуальный анализ [Енина, Ильина, Каблуков, Чепкина 2017; Проблемы конструирования идентичности... 2017].

В тех случаях, когда информационная война рассматривается как когнитивно-дискурсивный феномен, речь идет о целенаправленном конструировании реальности, наносящем урон какому-либо объекту либо его образу в медиадискурсе [Каблуков 2017]. В онтологическом отношении информационная война трактуется как **«дискурсивный концепт»**, функционирующий как элемент технологии борьбы за власть и оказывающий существенное влияние на практики идентификации в российском журналистском дискурсе. Его лингвистическими маркерами выступают негативные оценки, военные метафоры, отрицательно-оценочная, стилистически сниженная лексика по отношению к политическим и идеологическим оппонентам

[Енина, Ильина, Каблуков, Чепкина 2017: 99]. Для осмысления мобилизационного потенциала дискурсивного концепта «информационная война» в российских СМИ выявляются субъекты конструируемой войны, роль России в этих процессах, а также методы ее ведения.

Наряду с понятием дискурсивного концепта как содержательной оперативной единицы знания, реализуемой в дискурсе, одним из центральных в когнитивно-коммуникативном отношении является понятие **фрейма**. Понимание фрейма в коммуникативистике и когнитивной лингвистике отличаются. В первом случае оно складывается из представлений о результатах отбора некоторых аспектов действительности и «их акцентирования в смежных контекстах, посредством чего достигается подробное проблемное описание, интерпретация, нравственная оценка и/или рекомендуемая трактовка сообщения» [Entman 1993: 52]. При втором подходе в большей степени акцентируются ментальные факторы в связи с социальными. Определение, как правило, заимствуется из социокогнитивной теории Т. А. ван Дейка: фрейм — единица знания, организованная вокруг концепта, содержащая основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с ним в рамках культуры [Дейк 2015].

Преломление идей когнитивного формирования концептуального содержания к исследованию ИПВ в медиа способствует появлению работ, в которых манипуляция тесно связывается с **фреймированием**. Так, в работе И. В. Кокуриной, Н. Ю. Хорецкой обнаруживается, что в немецкоязычных СМИ аудитории навязывается негативный образ страны посредством актуализации медийных фреймов *война, диктатура, неправое государство, опасность* [Кокурина, Хорецкая 2018: 60].

Фреймирование применительно к манипуляции реализуется в способности манипулятора структурировать информацию относительно социально значимых проблем и вопросов [Федоров 2018]. При этом фреймы понимаются в трактовке И. Гофмана как формы организации повседневного опыта, позволяющие интерпретировать поведение других людей [Гофман 2004]. Эвристическую ценность имеет мысль о том, что фреймы могут быть созданы стратегическими коммуникаторами (агентами, рупорами дискурса) — политиками, журналистами, учеными: «Стратегические коммуникаторы передают свои фреймы посредством средств массовой информации реципиентам, у которых под влиянием сообщаемого фрейма формируется свой фрейм» [Кокурина, Хорецкая 2018: 60].

Центральная идея заключается в том, что медийная реальность моделируется и осмысливается с помощью фреймов. Разделяя это мнение, подчеркнем, что журналисты как агенты медийного дискурса селективно избирают информацию для освещения в дискурсе и фреймируют ее согласно имеющимся идеологическим установкам. В результате реципиент получает не «слепок» реальности, а заказанное «изображение» в общей медиакартине. Чем профессиональнее «живописцы», тем реалистичнее и убедительнее оно выглядит для представителей лингвокультуры.

Успешная манипуляция в СМИ вырабатывает единообразное общественное отношение к глобальным политическим и социальным проблемам в интересах доминирующих групп. Представляется, однако, что проблема воздействия на сознание людей со стороны власти не должна решаться прямолинейно в связи с «навязыванием» взглядов и мнений «безвольной» аудитории. Она имеет более сложные хитросплетения, обусловленные совокупностью условий, таких как фоновые знания адресата, его опыт и установки, коммуникативный контекст, тематическая неоднородность СМИ, типологические особенности и идеологическая направленность медиа (прогосударственные, оппозиционные, рекреативные и пр.), ориентация на разные целевые аудитории и др. По всей видимости, неверно воспринимать журналистов как агентов, «прокачивающих» идеологические установки и «вживляющих» в сознание аудитории нужные мысли, однако во все времена они остаются оформителями и организаторами мировидения, а идеологическая ангажированность в разной степени присутствует в освещении политических событий.

Выводы

В последние два года в отечественных исследованиях ИПВ доминирует деятельностный подход к анализу речевых фактов. ИПВ характеризуется в коммуникативном, прагматическом, когнитивном, аксиологическом, идеологическом, жанровом аспектах, которые формируют две сосуществующие исследовательские траектории — коммуникативно-прагматическую и когнитивно-дискурсивную.

Коммуникативно-прагматическая линия предполагает рассмотрение ИПВ с учетом коммуникативных, прагматических и функциональных факторов. Триединство обеспечивается тем, что специалисты обращаются к сложному феномену внешней (внеязыковой) среды (информационное противоборство) и устанавливают особенности его оязы-

ковления в определенных сферах коммуникации, преимущественно политической и медийной (в соответствующих дискурсах). В этом случае в фокусе внимания преимущественно оказываются стратегии и тактики ведения ИПВ, приемы их речевой актуализации, лингвопрагматические характеристики феноменов, функционирующих в условиях информационного противоборства, особенности речевых жанров, способных служить целям ИПВ. Когнитивно-дискурсивная линия развивает идеи коммуникативной лингвистики, делая больший акцент на ментальных сторонах информационного противоборства — феноменах, оязыковление которых имеет место в дискурсе как результат влияния социальных, политических, идеологических и иных контекстуальных факторов. Традиционными для данного направления становятся исследования информационно-психологической войны как концептуальной структуры.

В отечественной лингвистике отсутствует единообразие исследовательских методов, адекватных цели изучения сложного и многогранного феномена информационно-психологической войны в его дискурсивной реализации. Многие положения и выводы являются спорными и провоцируют справедливую критику. Объем и содержание используемых специалистами терминов не всегда достаточно необходимо определены, а описываемые методологические процедуры нуждаются в дальнейшей разработке.

Одна из важнейших задач лингвистики ИПВ на данном этапе видится нам в терминологической унификации используемых понятий для совершенствования методологического аппарата и его применения в более широком кругу исследований информационного противоборства. Необходимо представить типологию феноменов, близких по содержанию к понятию ИПВ, установить их соотношение с учетом когнитивных, коммуникативных, социальных и идеологических факторов и предложить релевантные методики анализа в медиадискурсе. Полагаем, что решение этих вопросов в дискуссионном научном поле не только внесет вклад в развитие теории лингвистики ИПВ, но также позволит разработать лингвистические основы противодействия манипуляции и расширить перечень способов речевой защиты от негативного информационного воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапова С. Г., Гуцина Л. В. Информационная война: манипулятивная стратегия на понижение // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3 (27). С. 27—34.
2. Артамонова И. М., Ефименко А. А. Языковые манипулятивные средства в заголовках интернет-СМИ во время

информационной войны // Культура в фокусе научных парадигм. 2019. № 9. С. 174—177.

3. Гаврилов Л. А. Политический дискурс в условиях информационно-психологической войны // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 2. С. 89—98.

4. Голодов А. Г. Антропонимическая контаминация как политический маркер времени (на материале немецкого языка) // Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2018. № 2. С. 69—73.

5. Горбачёва Е. Н. Обвинение как коммуникативный поступок в современной информационной войне (на материале англоязычного медийно-политического англососийского дискурса) // Политическая лингвистика. 2017. № 2 (62). С. 27—33.

6. Гофман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта. — М.: Институт социологии РАН, 2004. 752 с.

7. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. — М.: ЛИБРОКОМ, 2014. 344 с.

8. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. — М.: ЛЕНАНД, 2015. 320 с.

9. Доктрина 2016 : Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Президент России [Официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (дата обращения: 3.07.2019). — Текст : электронный.

10. Енина Л. В., Ильина О. В., Каблук Е. В., Чепкина Э. В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиаконцепта «информационная война» // Политическая лингвистика. 2017. № 4 (64). С. 96—107.

11. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 76—85.

12. Иванова С. В. Дискурсивные практики информационной войны: роль ксенонимов в создании эффекта демонизации // Магия ИННО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике : сб. науч. трудов. — М.: МГИМО-Университет, 2017. Т. 1. С. 243—248.

13. Каблук Е. В. К вопросу об актуализации дискурсивных практик идентификации в условиях информационной войны // Профессиональная культура журналиста цифровой эпохи : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Екатеринбург, 17 мая 2017 г.). — Екатеринбург, 2017. С. 235—238.

14. Казаченко О. В. Роль слов, выражающих ценности, в информационно-психологических войнах // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф., 10—14 окт., Екатеринбург. — Екатеринбург, 2018. С. 114—117.

15. Кокурина И. В., Хорещкая Н. Ю. Манипулятивный потенциал фрейма при создании образа России в немецкоязычных СМИ // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 59—63.

16. Копнина Г. А. Речевые тактики и приемы дискредитации православия в современной информационно-психологической войне (на материале интернет-текстов) // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 206—216.

17. Копнина Г. А. Контрманипуляция в речевой коммуникации: некоторые перспективы изучения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). — С. 7—19.

18. Коцюбинская Л. В. Метафорическое представление информационного события «спорт России» в британских средствах массовой информации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 87—90.

19. Кошкарлова Н. Н., Руженцева Н. Б., Зотова Е. Н. «Российская агрессия по-американски» и «российский след» по-украински // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 74—81.

20. Красовская О. В. «Чужое слово» в дискурсе информационной войны // Политическая лингвистика. 2017а. № 6 (66). С. 34—38.

21. Кушнерук С. Л. Дискурсивный мир информационно-психологической войны в британских интернет-СМИ / С. Л. Кушнерук. — Текст : электронный // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 4 (15). С. 79—91. URL: <http://discourseworld.ru> (дата обращения: 3.08.2019).

22. Лаухина С. С., Туркин А. О. Способы языкового манипулирования в российско-украинском информационном конфликте // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2017. Т. 11. № 4. С. 6—9.
23. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. 1. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
24. Лингвистика информационно-психологической войны : моногр. Кн. 2 / А. А. Бернацкая, Л. А. Гаврилов, В. А. Жилина [и др.] ; под ред. проф. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. 488 с.
25. Морозова О. В. Образ России сквозь призму информационно-психологической войны в медиатекстах // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. : в 2 кн. — Саратов, 2018. С. 124—132.
26. Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI в. Тенденции обновления политического дискурса : материалы Междунар. науч. конф. «Россия в поисках мирного решения социальных, межконфессиональных и межэтнических конфликтов: тенденции обновления политического дискурса, отражающие доминантные идеологемы российской официальной дипломатии и пропагандистской деятельности политических партий конца XX — начала XXI в.» (Магнитогорск, 23—25 нояб. 2017 г.). — Магнитогорск : Изд-во Магнитогорск. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2017. 509 с.
27. Озюменко В. И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203—220.
28. Павлова Е. К. Эмоционально-оценочная лексика в политическом дискурсе в условиях современной информационной войны // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 11 (77). Ч. 2. С. 129—131.
29. Палажченко М. Ю. Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны // Государственное управление : электронный вестник. 2017. Вып. 61. С. 298—309.
30. Попова Т. Г., Зарипов Р. И. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 125—129.
31. Потапова Н. М. Анализ лингвистических средств ведения информационной войны (на материале англоязычного политического дискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 161—165.
32. Проблемы конструирования идентичности россиян в дискурсе СМИ под влиянием концепта «информационная война» : моногр. / О. И. Асташова, Э. В. Булатова, Л. В. Енина [и др.] ; под ред. Э. В. Чепкиной. — М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
33. Россия глазами Европы. Имидж страны через призму языка : моногр. / М. М. Русяева, Е. Б. Нешина, Е. Ф. Черемушкина. — Саранск : ЮрЭксПрактик, 2018. — 124 с.
34. Самкова М. А. Дезинформация как средство информационно-психологической войны против России (на материале медиатекстов о хакерских атаках) // Экология языка и коммуникативная практика. 2018. № 3. С. 96—115.
35. Сковородников А. П., Копнина Г. А., Анисимова Е. Е. Памфлет и панегирик — жанры-антиподы в информационном пространстве массмедиа // Политическая лингвистика. 2018. № 5 (71). С. 48—54.
36. Тагильцева Ю. Р. А был ли «новичок»? Стратегии и тактики информационно-психологической войны британских СМИ в «деле Скрипаля» // Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация : материалы Междунар. науч. конф., 10—14 окт., Екатеринбург. — Екатеринбург, 2018. С. 246—248.
37. Уразаева Н. Р., Морозов Е. А. Концептуализация образа России в немецких СМИ: перемены к лучшему? // Мировая политика. 2017. № 3. С. 141—154.
38. Федоров В. В. Метафорическая модель «война» как когнитивная основа предвыборного нарратива регионального журналистского дискурса // Медиа среда. 2018. № 14. С. 197—200.
39. Цыцаркина Н. Н. Информационная война и лингвокогнитивное моделирование вооруженного конфликта в политическом медиадискурсе // Вестник Курганского государственного ун-та. 2018. № 1 (48). С. 26—29.
40. Шулежкова С. Г. Образ России на фоне цветных революций и Крымской весны в информационной войне начала XXI века // Образ России в условиях информационной войны конца XX — начала XXI века. Тенденции обновления политического дискурса : материалы Междунар. науч. конф. (Магнитогорск, 23—25 нояб. 2017 г.). — Магнитогорск, 2017. С. 254—266.
41. Юсупова Р. Р., Теплых Р. Р. Демонизация «плохих» политических лидеров как инструмент информационной войны // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 163—167.
42. Язык и наука конца XX века. — М., 1995. 320 с.
43. Beller M., Leerssen J. (eds.). *Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Series: Studia Imagologica.* — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. Vol. 13.
44. Entman R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm // *Journ. of Communication.* 1993. No 43 (4). P. 51—58.
45. Wizerunek. *Image jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu : Materiały międzynarodowej konferencji naukowej.* 26—28 czerwca 2019. Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie. — Olsztyn, 2019. 132 p.

S. L. Kushneruk

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia
ORCID ID: 0000-0003-4447-4606

 E-mail: Svetlana_kush@mail.ru.

Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics

ABSTRACT. *The article discusses the trajectories of research of information and psychological war in Russian linguistics. The current study is aimed at deepening the understanding of the possibilities of linguistic analysis of information war and pointing out the perspectives of its further development within a framework of a comprehensive theory. The research objectives are: to overview the available scientific research papers, published after the linguistics of information and psychological war was proposed by Siberian scholars; to establish the common views of Russian philologists on the phenomenon of information and psychological war; to reveal the range of tasks and prospects in the field of linguistics of information and psychological war. The material for analysis constitutes monographs and articles of Russian scholars, available in the national electronic library (ELIBRARY). Certain techniques of the analytical-descriptive method are applied. It is proved that linguistics of information and psychological war has stemmed from political linguistics in response to the challenges of the modern world which pose dangers of eroding national interests of Russia in the information sphere. It is argued that the current state of linguistics of information and psychological war is characterized by methodological heterogeneity. It is revealed that there exist two coexisting approaches to the study of information and psychological war — communicative-pragmatic and cognitive-discursive. The article discusses prospects of research of information and psychological war in a range of similar phenomena. The results of the research can be used for further development of a general theory of the language of information war and the linguistic foundations of counteraction to threats in the media sphere.*

KEYWORDS: *information and psychological war; linguistic analysis; political linguistics; media linguistics; Russian language; media discourse; media texts; mass media.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kushneruk Svetlana Leonidovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of English Philology, South Ural State Humanitarian and Pedagogical University; Professor of Department of the Theory and Practice of English, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.*

FOR CITATION: *Kushneruk, S. L. Trajectories of Information and Psychological War Research in Russian Linguistics / S. L. Kushneruk // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 12-22. — DOI 10.26170/pl19-06-01.*

REFERENCES

1. Agapova S. G., Gushchina L. V. Information War: a Manipulative Strategy for Lowering // Actual Problems of Philology and Pedagogical Linguistics. 2017. No 3 (27). P. 27—34. [Informatsionnaya voyna: manipulyativnaya strategiya na ponizhenie // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2017. № 3 (27). S. 27—34]. — (In Rus.)
2. Artamonova I. M., Efimenko A. A. Language Manipulative Tools in the Headlines of Online Media during the Information War // Culture in the Focus of Scientific Paradigms. 2019. No 9. P. 174—177. [Yazykovye manipulyativnye sredstva v zagolovkakh internet-SMI vo vremya informatsionnoy voyny // Kul'tura v fokuse nauchnykh paradigmat. 2019. № 9. S. 174—177]. — (In Rus.)
3. Gavrilov L. A. Politicheskii diskurs v usloviyakh informatsionno-psikhologicheskoy voyny // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 2. S. 89—98.
4. Golodov A. G. Political Discourse in the Conditions of the Information-psychological War // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 2. P. 89—98. [Antropomicheskaya kontaminatsiya kak politicheskii marker vremeni (na materiale nemetskogo yazyka) // Omskii nauchnyi vestnik. Ser.: Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. 2018. № 2. S. 69—73]. — (In Rus.)
5. Gorbacheva E. N. Anthroponymic Contamination as a Political Marker of Time (based on German language material) // Omsk Scientific Bulletin. Ser.: Society. Story. Modernity. 2018. No. 2. P. 69—73. [Obvinenie kak kommunikativnyy postupok v sovremennoy informatsionnoy voyne (na materiale angloyazychnogo mediyno-politicheskogo antirossiyskogo diskursa) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 2 (62). S. 27—33]. — (In Rus.)
6. Gofman I. Analysis of Frames. Essays on Organizing Everyday Experience. — Moscow : Institute of Sociology RAS, 2004. 752 p. [Analiz freimov. Esse ob organizatsii povsednevnogo opyta. — M. : Institut sotsiologii RAN, 2004. 752 s.]. — (In Rus.)
7. Deik T. A. van. Discourse and Power: a Representation of Dominance in Language and Communication. — Moscow : LIBROCOM, 2014. 344 p. [Diskurs i vlast': reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii. — M. : LIBROKOM, 2014. 344 s.]. — (In Rus.)
8. Deik T. A. van. Language. Cognition. Communication. — Moscow : LENAND, 2015. 320 p. [Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya. — M. : LENAND, 2015. 320 s.]. — (In Rus.)
9. Doctrine 2016: Decree of the President of the Russian Federation : from December 05, 2016 No. 646 "On Approving the Doctrine of Information Security of the Russian Federation" // President of Russia [Official Site]. [Doktrina 2016 : Ukaz Prezidenta RF ot 05.12.2016 № 646 «Ob utverzhdenii Doktriny informatsionnoy bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii» // Prezident Rossii (Ofitsial'nyi sait)]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (data obrashcheniya: 3.07.2019). — Text : electronic. — (In Rus.)
10. Enina L. V., Il'ina O. V., Kablukov E. V., Chepkina E. V. Practices of Political Identification of Russians under the Influence of the Media Concept "Information War" // Political Linguistics. 2017. No. 4 (64). P. 96—107. [Praktiki politicheskoy identifikatsii rossiyan pod vliyaniem mediakontsepta «informatsionnaya voyna» // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 4 (64). S. 96—107]. — (In Rus.)
11. Zaripov R. I. Practices of Political Identification of Russians under the Influence of the Media Concept "Information War" // Political Linguistics. 2017. No. 4 (64). P. 96—107. [Metaforicheskie obrazy Rossii vo frantsuzskom politicheskom diskurse v kontekste voyny v Sirii // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 6 (66). S. 76—85]. — (In Rus.)
12. Ivanova S. V. Discursive Practices of the Information War: the Role of Xenonyms in Creating the Effect of Demonization // Magic INNO: New Dimensions in Linguistics and Linguodidactics : collection of scientific works. — Moscow : MGIMO-University, 2017. Vol. 1. P. 243—248. [Diskursivnye praktiki informatsionnoy voyny: rol' ksenonimov v sozdaniie efekta demonizatsii // Magiya INNO: novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike : sb. nauch. trudov. — M. : MGIMO-Universitet, 2017. T. 1. S. 243—248]. — (In Rus.)
13. Kablukov E. V. On the Issue of Updating Discursive Identification Practices in the Conditions of the Information War // Professional Culture of a Journalist of the Digital Era : materials of All-Russian scientific-practical conf. with the international participation (Ekaterinburg, May 17, 2017). — Ekaterinburg, 2017. P. 235—238. [K voprosu ob aktualizatsii diskursivnykh praktik identifikatsii v usloviyakh informatsionnoy voyny // Professional'naya kul'tura zhurnalista tsifrovoy epokhi : materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Ekaterinburg, 17 maya 2017 g.). — Ekaterinburg, 2017. S. 235—238]. — (In Rus.)
14. Kazachenko O. V. The Role of Words Expressing Values in Information-Psychological Wars // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication : Materials of the Intern. scientific Conf., October 10—14, Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. P. 114—117. [Rol' slov, vyrazhayushchikh tsennosti, v informatsionno-psikhologicheskikh voynakh // Uchimsya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmediynaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauchn. konf., 10—14 okt., Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. S. 114—117]. — (In Rus.)
15. Kokurina I. V., Khoretskaya N. Yu. Manipulative Potential of the Frame when Creating the Image of Russia in German-language Media // Political Linguistics. 2018. No 5 (71). P. 59—63. [Manipulyativnyy potentsial freyma pri sozdaniie obraza Rossii v nemetskoyazychnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 5 (71). S. 59—63]. — (In Rus.)
16. Kopnina G. A. Speech Tactics and Techniques of Discrediting Orthodoxy in the Modern Information-psychological War (based on the analysis of internet-texts) // Political Linguistics. 2017. No 5 (65). P. 206—216. [Rechevye taktiki i priemy diskreditatsii pravoslaviya v sovremennoy informatsionno-psikhologicheskoy voyne (na materiale internet-tekstov) // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 206—216]. — (In Rus.)
17. Kopnina G. A. Counter-manipulation in Speech Communication: Some Perspectives of Studying // Communicative Studies. 2018. No. 2 (16). — P. 7—19. [Kontromanipulyatsiya v rechevoy kommunikatsii: nekotorye perspektivy izucheniya // Kommunikativnye issledovaniya. 2018. № 2 (16). — S. 7—19]. — (In Rus.)
18. Kotsyubinskaya L. V. Metaphorical Presentation of the Information Event "Sport of Russia" in the British Media // Philological Sciences. Questions of Theory and Practice. 2018. No 2 (80). Part 1. P. 87—90. [Metaforicheskoe predstavlenie informatsionnogo sobytiya «sport Rossii» v britanskikh sredstvakh massovoy informatsii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 2 (80). Ch. 1. S. 87—90]. — (In Rus.)
19. Koshkarova N. N., Ruzhentseva N. B., Zotova E. N. "Russian Aggression" American-style and "Russian Trace" Ukrainian-style // Political Linguistics. 2018. No 1 (67). P. 74—81. [«Rossiyskaya agressiya po-amerikanski» i «rossiyskiy sled» po-ukrainski // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 1 (67). S. 74—81]. — (In Rus.)
20. Krasovskaya O. V. "Borrowed Word" in the Discourse of Information War // Political Linguistics. 2017. No 6 (66). P. 34—

38. [«Chuzhoe slovo» v diskurse informatsionnoy voyny // Politicheskaya lingvistika. 2017a. № 6 (66). S. 34—38]. — (In Rus.)
21. Kushneruk S. L. The Discursive World of the Information-Psychological War in British Internet Media / S. L. Kushneruk. — Text : electronic // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 4 (15). P. 79—91. [Diskursivnyy mir informatsionno-psikhologicheskoy voyny v britanskikh internet-SMI / S. L. Kushneruk. — Tekst : elektronnyy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 4 (15). S. 79—91]. URL: <http://discourseworld.ru> (date of access: 3.08.2019). — (In Rus.)
22. Laukhina S. S., Turkin A. O. Methods of Language Manipulation in the Russian-Ukrainian Information Conflict // Actual Problems of the Humanities and Socio-economic Sciences. 2017. Vol. 11. No. 4. P. 6—9. [Sposoby yazykovogo manipulirovaniya v rossiysko-ukrainskom informatsionnom konflikte // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. 2017. T. 11. № 4. S. 6—9]. — (In Rus.)
23. Linguistics of the Information-psychological War : monograph. Part 1. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2017. 340 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 1. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2017. 340 s.]. — (In Rus.)
24. Linguistics of the Information-psychological War : monograph. Part 2 / A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina [et al.] ; under the editorship of prof. A. P. Skovorodnikov. — Krasnoyarsk : Sib. Feder. Univ., 2019. 488 p. [Lingvistika informatsionno-psikhologicheskoy voyny : monogr. Kn. 2 / A. A. Bernatskaya, L. A. Gavrilov, V. A. Zhilina [i dr.] ; pod red. prof. A. P. Skovorodnikova. — Krasnoyarsk : Sib. feder. un-t, 2019. 488 s.]. — (In Rus.)
25. Morozova O. V. The Image of Russia through the Prism of Information-psychological Warfare in Media Texts // Problems of Verbal Communication: Interuniversity collection of scientific works : in 2 books. — Saratov, 2018. P. 124—132. [Obraz Rossii skvoz' prizmu informatsionno-psikhologicheskoy voyny v mediastekstakh // Problemy recevoy kommunikatsii : mezhvuz. sb. nauch. tr. : v 2 kn. — Saratov, 2018. S. 124—132]. — (In Rus.)
26. The Image of Russia in the Conditions of the Information War of the late XX — early XXI Century. Trends in Updating Political Discourse: Proceedings of the Intern. scientific conf. “Russia in Search of a Peaceful Solution to Social, Interconfessional and Interethnic Conflicts: Trends in the Renewal of Political Discourse, Reflecting the Dominant Ideologies of Russian Official Diplomacy and the Propaganda Activities of Political Parties of the late XX — early XXI Centuries” (Magnitogorsk, November 23—25, 2017). — Magnitogorsk : Publishing house of Magnitogorsk State Tech. Univ. n. a. G. I. Nosov, 2017. 509 p. [Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI v. Tendentsii obnoveniya politicheskogo diskursa : materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Rossiya v poiskakh mirmogo resheniya sotsial'nykh, mezhkonnatsional'nykh i mezhetnicheskikh konfliktov: tendentsii obnoveniya politicheskogo diskursa, otrazhayushchie dominantnye ideologemy rossiyskoy ofitsial'noy diplomatii i propagandistskoy deyatelnosti politicheskikh partii kontsa XX — nachala XXI v.» (Magnitogorsk, 23—25 noyab. 2017 g.). — Magnitogorsk : Izd-vo Magnitogorsk. gos. tekhn. un-ta im. G. I. Nosova, 2017. 509 s.]. — (In Rus.)
27. Ozyumenko V. I. Media Discourse in the Situation of Information Warfare: from Manipulation to Aggression // Proceedings of RUDN. Ser.: Linguistics. 2017. Vol. 21. No. 1. P. 203—220. [Mediynnyy diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii k agressii // Vestnik RUDN. Ser.: Lingvistika. 2017. T. 21. № 1. S. 203—220]. — (In Rus.)
28. Pavlova E. K. Emotionally Evaluative Vocabulary in Political Discourse in the Context of Modern Information War // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. 2017. No. 11 (77). Part 2. P. 129—131. [Emotsional'no-otsenochnaya leksika v politicheskom diskurse v usloviyakh sovremennoy informatsionnoy voyny // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 11 (77). Ch. 2. S. 129—131]. — (In Rus.)
29. Palazhchenko M. Yu. Euphemization of Military-political Vocabulary as a Way of Waging Information War // Public Administration : electronic bulletin. 2017. Issue. 61. P. 298—309. [Evmemizatsiya voenno-politicheskoy leksiki kak sposob vedeniya informatsionnoy voyny // Gosudarstvennoe upravlenie : elektronnyy vestnik. 2017. Vyp. 61. S. 298—309]. — (In Rus.)
30. Popova T. G., Zaripov R. I. Features of the Metaphorical Representation of the Image of Russia in the Western Media // Political Linguistics. 2017. No. 5 (65). P. 125—129. [Osobennosti metaforicheskoy reprezentatsii obraza Rossii v zapadnykh SMI // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 125—129]. — (In Rus.)
31. Potapova N. M. Analysis of Linguistic Means of Conducting Information Warfare (based on the material of the English-language political discourse) // Philological Sciences. Problems of Theory and Practice. 2018. No 8 (86). Part 1. P. 161—165. [Analiz lingvisticheskikh sredstv vedeniya informatsionnoy voyny (na materiale angloyazychnogo politicheskogo diskursa) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 8 (86). Ch. 1. S. 161—165]. — (In Rus.)
32. Problems of Constructing the Identity of Russians in the Discourse of the Media under the Influence of the Concept of “Information War” : monograph. / O. I. Astashova, E. V. Bulatova, L. V. Enin [et al.] ; under the editorship of E. V. Chepkina. — Moscow ; Yekaterinburg : Cabinet Scientist, 2017. 196 p. [Problemy konstruirovaniya identichnosti rossiyan v diskurse SMI pod vliyaniem kontsepta «informatsionnaya voyna» : monogr. / O. I. Astashova, E. V. Bulatova, L. V. Enina [i dr.] ; pod red. E. V. Chepkinoi. — M. ; Ekaterinburg : Kabinetnyy uchenyy, 2017. 196 s.]. — (In Rus.)
33. Russia through the eyes of Europe. Image of the country through the prism of language: monograph. / M. M. Rusyaeva, E. B. Neshina, E. F. Cheremushkina. — Saransk : YurEksPraktik, 2018. 124 p. [Rossiya glazami Evropy. Imidzh strany cherez prizmu yazyka : monogr. / M. M. Rusyaeva, E. B. Neshina, E. F. Cheremushkina. — Saransk : YurEksPraktik, 2018. — 124 s.]. — (In Rus.)
34. Samkova M. A. Disinformation as a Means of Information-psychological War against Russia (based on media texts about hacker attacks) // Ecology of Language and Communicative Practice. 2018. No. 3. P. 96—115. [Dezinformatsiya kak sredstvo informatsionno-psikhologicheskoy voyny protiv Rossii (na materiale mediatekstov o khakerskikh atakakh) // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2018. № 3. S. 96—115]. — (In Rus.)
35. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A., Anisimova E. E. Lampon and Panegyric — Genre Antipodes in the Mass Media // Political Linguistics. 2018. No 5 (71). P. 48—54. [Pamflet i panegirik — zhanry-antipody v informatsionnom prostranstve massmedia // Politicheskaya lingvistika. 2018. № 5 (71). S. 48—54]. — (In Rus.)
36. Tagil'tseva Yu. R. Was there a “newbie”? Strategies and Tactics of the Information and Psychological War of the British Media in the “Skripal Case” // Learning to Understand Russia: Political and Mass Media Communication : Materials of the Intern. Scientific Conf., October 10—14, Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. P. 246—248. [A byl li «novichok»? Strategii i taktiki informatsionno-psikhologicheskoy voyny britanskikh SMI v «dele Skripalya» // Uchimsiya ponimat' Rossiyu: politicheskaya i massmedijnaya kommunikatsiya : materialy Mezhdunar. nauch. konf., 10—14 okt., Ekaterinburg. — Ekaterinburg, 2018. S. 246—248]. — (In Rus.)
37. Urazaeva N. R., Morozov E. A. Conceptualization of the Image of Russia in the German Media: Changes for the Better? // Global Politics. 2017. No. 3. P. 141—154. [Kontseptualizatsiya obraza Rossii v nemetskikh SMI: peremeny k luchshemu? // Mirovaya politika. 2017. № 3. S. 141—154]. — (In Rus.)
38. Fedorov V. V. Metaphorical Model of “War” as the Cognitive Basis of the Election Narrative of Regional Journalistic Discourse // Media Environment. 2018. No 14. P. 197—200. [Metaforicheskaya model' «voyna» kak kognitivnaya osnova predvybornogo narrativna regional'nogo zhurnalistskogo diskursa // Mediasreda. 2018. № 14. S. 197—200]. — (In Rus.)
39. Tsytsarkina N. N. Information Warfare and Linguistic-cognitive Modeling of Armed Conflict in Political Media Discourse // Bulletin of the Kurgan State University. 2018. No. 1 (48). P. 26—29. [Informatsionnaya voyna i lingvokognitivnoe modelirovanie vooruzhennogo konflikta v politicheskom mediadiskurse // Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo un-ta. 2018. № 1 (48). S. 26—29]. — (In Rus.)
40. Shulezhkova S. G. The Image of Russia against the Background of Color Revolutions and the Crimean Spring in the In-

formation War of the Beginning of the 21st Century // The Image of Russia in the Conditions of the Information War of the end of the 20th — Beginning of the 21st Centuries. Trends in Updating Political Discourse: Proceedings of the Intern. Scientific Conf. (Magnitogorsk, Nov. 23—25, 2017). — Magnitogorsk, 2017. P. 254—266. [Obraz Rossii na fone tsvetnykh revolyutsiy i Krymskoy vesny v informatsionnoy voyne nachala XXI veka // Obraz Rossii v usloviyakh informatsionnoy voyny kontsa XX — nachala XXI veka. Tendentsii obnovleniya politicheskogo diskursa : materialy Mezhdunar. nauch. konf. (Magnitogorsk, 23—25 noyab. 2017 g.). — Magnitogorsk, 2017. S. 254—266]. — (In Rus.)

41. Yusupova R. R., Teplykh R. R. Demonization of the “Bad” Political Leaders as a Tool of Information War // Political Linguistics. 2017. No 5 (65). P. 163—167. [Demonizatsiya «plokhikh» politicheskikh liderov kak instrument informatsionnoy

voyny // Politicheskaya lingvistika. 2017. № 5 (65). S. 163—167]. — (In Rus.)

42. Language and Science of the Late XX Century. — Moscow, 1995. 320 p. [Yazyk i nauka kontsa XX veka. — M., 1995. 320 s.]. — (In Rus.)

43. Beller M., Leerssen J. (eds.). Imagology. The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters. A Critical Survey. Series: Studia Imagologica. — Amsterdam ; New York : Rodopi, 2007. Vol. 13.

44. Entman R. M. Framing: toward clarification of a fractured paradigm // Journ. of Communication. 1993. No 43 (4). P. 51—58.

45. Wizerunek. Image jako kategoria teorii komunikacji, antropologii kultury i semiotyki tekstu : Materialy miedzynarodowej konferencji naukowej. 26—28 czerwca 2019. Uniwersytet Warminsko-Mazurski w Olsztynie. — Olsztyn, 2019. 132 p.